

Любовь была... любовь еще быть может? Современные лики любви

Небезызвестный бедняцкий сын, родившийся в скотной кормушке постоялого двора, Иисус из Назарета, на протяжении всей своей недолгой жизни, проповедовал любовь к Господу Небесному, ближнему своему и своему врагу – как единственно правильный образ прожить жизнь земную (ни на одно другое человеческое качество в Новом Завете не уповаешь столь сильно, как на любовь).

Высоколобые литературные классики, от античности до современности, от Софокла до Достоевского, на острие мысли и чувства, в самых разных стилях и способах самовыражения также приходили к единому мнению: только любовью спасемся и уцелеем. Главный из «жуков», волосатик Джон Леннон, в перерывах между ЛСД-путешествиями и построением постельного мира во всем мире со старушкой Йоко – далекий от интеллектуального эстетства хиппи и совсем не литературный зануда, не будучи большим оригиналом, также гнусаво подытожил: «All we need is love», получив в ответ пулю (равноценный ответ).

Любовь, любовь, любовь. Любовь к женщине. Любовь к Родине. Любовь к своим детям, родителям, к тем, кто рядом. Любовь к людям... Нас так долго учили любить себе подобных, так старательно принуждали к этому чувству, так давили на мораль и нравственность, что, кажется, это разнообразие форм проявления любви, ее еще вчера огромное количество и наше стремление к качеству, сегодня вдруг взяло и в нас всех разом закончилось. Оборвалось, как натянутая струна, что устала выдавать самую высокую ноту. Скукожилось до размера горчичного зерна и провалилось в потемки наших самых широких и загадочных душ, о которых порассуждать мы мастера. А наружу, на ее место, из наших недр скакнула некая черная жаба с выпученными от ненависти глазами, обвилась вокруг шеи своими бородавчатыми лапками, и так там и повисла.

Понимаю, задаться автору столь скользкой темой – как ступить на банановую кожуру, распластанную на только что залитом катке. Как задаться целью вылечить рак последней стадии у других, будучи самому не в состоянии избавиться от элементарного насморка. И получить по высоконравственным мордасам зазубренным назубок: «Себя полечи, дохтур душ!». Душа-то у нас, по-прежнему, щедрая и широкая. Но, похоже, только в строго отведенные для этого часы и в нужном месте. Впрочем, никакого морализаторства и воззваний к эфемерной совести-довеску. Будем считать, что автор графоманит, а читатель читает от третьего нейтрального лица.

...Недавно, когда я был в командировке в малюсенькой провинциальной дыре, в дверь однокомнатной квартирки, что я снимал, позвонили. Открыв, на пороге я имел неудовольствие лицезреть соседа, чей дурной голос через стенку по вечерам выводил пьяные рулады, мешая мне сосредоточиться на Малахове или Зеленском:

- Сосед, займи на бутылку, – без лишних прелюдий выдала мне в лоб включенная недоличность.
- У меня нет, – я хотел захлопнуть дверь перед этим пьяным недолицом.
- Слушай, а хочешь мою жену? – он пьяно захихикал в дырку от зуба. – Она еще ничё...
- А дочку? – морда захихикала сильнее, угадав мое намерение захлопнуть дверь ему в морду... – дай, а?...

А за год до этого перед автобусной остановкой, на декабрьском бетоне лежало человеческое тело прилично одетого молодого человека с розовыми, как у деревенской девушки, щеками. Рядом стояло человек тридцать, в мирном ожидании своего автобуса или троллейбуса, и никто не обратил внимания ни на него, ни на того, кто молодого человека пытался поднять с бетона и усадить на скамейку. Никто не помог. Все торопились домой.

А еще раньше я ловил такси, чтобы успеть на банкет со своим боссом, и он, ничуть не стесняясь своего подчиненного, вытащил из остановившейся машины и избил в кровь бедного вида старуху, которая не поторопилась покинуть авто. По праву сильного. После чего со спокойной совестью отбыл на празднество, где поднимал тосты за любовь...

В этих трех случаях нет ничего экстраординарного – всё банальщина, не вызывающая даже поднятой брови. И почище, и погрязнее случалось раньше с каждым из нас. Только вот что занозой давно засело в воспаленном мозгу – так это заурядность, обыденность и совершенная равнодушная нормальность всей этой пернатой дичи. И спешка, с которой все мы торопимся подобное забыть.

Любви в нас давно нет. То есть она есть где-то на задворках наших душ, для самых-самых, в небольших дозах. Некоторые даже статьи пишут на заданную тему, называя их как-то вроде «Стоит ли дозировать любовь?», приходя к выводу, что да, на сердце нужно установить дозатор и выделять в день любви не больше трех капель, чтобы раньше срока не кончилась. А есть привычка твердить, что-де нет, нормальные

мы. Нравнодушные и сердобольные. И тем, кто не согласен – в морду. А если и нет, то не мы такие – время такое. К нему и претензии предъявлять.

Любить мы разучились. У нас сплошные претензии к миру и друг к другу. Вместо того чтобы поблагодарить ближнего за проявленную в чем-либо заботу, мы выискиваем в ней недостатки. Доходит до абсурдного: из чистого альтруизма человек оказывает нам услугу, а мы его за это еще и упрекаем. Или почище: злом на добро. Так у нас нынче принято.

Наше телевидение нельзя смотреть без слез. Ощущение непреодолимое: все сошли с ума и своим сумасшествием еще и хвастаются, вывешивая свои грязные рейтузы перед всей страной. Родители судятся с детьми. Дети избавляются от родителей в домах престарелых или выкидывая их на помойку, за ненадобностью. Жены отбирают имущество и средства к существованию у бывших мужей. Бывшие мужья отбирают у бывших жен детей. Отцы насилуют несовершеннолетних сынов и дочерей. Сыновья и дочери издеваются над более слабыми одноклассниками. Слабые одноклассники, над которыми издеваются их товарищи, не в силах дать отпор своим мучителям, обливают котенка бензином и поджигают. Государство ненавидит своих граждан, а граждане ненавидят свое государство. И все это под общий гомон, что, дескать, все в порядке, все нормально и не надо преувеличивать...

Черт его знает, может, действительно все путем, как утверждают многие? В обществе, где приличнее сделать гадость ближнему и рассказать о ней, без ложного стыда, нежели о той же гадости завить вслух и не быть пригвожденным к позорному столбу с выжженным на лбу общественным вердиктом «Святоша». Мы готовы понять и простить последнего алкаша, убивца и растлителя, найдя для него слова оправдания, нежели того, кто лучше, чище и выше нас. Кто не торопится нырять в ту же отхожую яму, в которой мы все сидим. Потому что нутром чувствуем, что ближе к алкашу или убивце, нежели к тому, «исусику».

Болезнь перестаешь замечать тогда, когда свыкаешься с ней. Становишься ее частью. Ей самой. Желание же говорить, а не молчать, кричать и возмущаться говорит о том, что глаз еще не замылен и совесть не уснула. Что с создавшимся положением дел не согласен и хочешь его изменить. Что жить так, как живем, гадливо и невозможно.

Нет, конечно, любовь в нас еще не совсем не умерла. Она есть, где-то там, на окраинах

Любовь была

Автор: hsljp
22.10.2013 21:00 -

нашего больного и такого большого сердца. Устав от проблем насущных, этих нескончаемых «купить» и «сделать», мы еще что-то чувствуем, наблюдая за отсутствием этой самой любви в наших ближних. Иногда мы ее достаем, повертим туда-сюда, чем-то явно недовольствуя, но показываем редко – то ли стыдись, то ли еще что. И быстрехонько прячем обратно, чтобы никто не догадался о нашей человечности. Неловко как-то...

Автор - **Игорь Ткачев**

[Источник](#)